

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

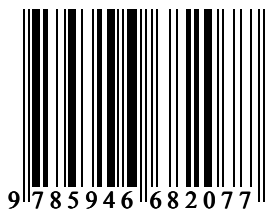
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К МИХАЙЛОВСКИМ СТИХАМ ПУШКИНА

1. «БУРЯ» («ТЫ ВИДЕЛ ДЕВУ НА СКАЛЕ...»)

Пластичность и красочность морского пейзажа пушкинской «Бури» казались многим ее комментаторам столь жизнеподобными, что они не раз пытались найти биографические источники вдохновения Пушкина, указав и конкретную «деву», и реальную «бурю», и даже скалу, которая могла быть запечатлена в стихотворении. Так, еще сто лет назад Н. И. Черняев высказывал гипотезу о том, что «Буря» связана с «крымскими воспоминаниями <...> о М. Н. Раевской»,¹ а В. П. Казарин, уже в новейшее время, всерьез предполагал, что в стихотворении могли отразиться впечатления Пушкина от страшной бури, настигнувшей Севастополь 27 августа 1820 г., а затем дошедшей и до Гурзуфа: «...во время очередной прогулки (или свидания) Пушкина и его спутницу (а может быть, и спутников) как раз и захватила приближавшаяся в течение дня буря».² Подробно опровергнув красочную идею Казарина («Можно ли представить ночную прогулку, когда тайфун <...> отнес на “довольное расстояние” будку с часовым, подхватил на воде четырнадцативесельный катер с людьми и перенес его по воздуху на середину бухты... <...> А через сутки в Азове и Таганроге тайфун еще сорвал крыши с домов, вызвал наводнение, потопил суда»), М. В. Строганов предложил свою версию, связав образность стихотворения с легендами о «скале девы», на которой находились «баснословные развалины храма Дианы» (XIII, 252), воспетые в стихотворении «Ч<аадае>ву» («К чему холодные сомненья?...», 1824).³

Ни одна из этих «биографических» гипотез не находит, однако, никаких дополнительных подтверждений. Тем более сомнительными они представляются, если учесть давнее наблюдение В. В. Виноградова об устойчивости образа «девы на скале» в романтической поэзии и прозе 1820-х гг. — см. приведенные им примеры из произведений Ф. Н. Глинки, текстуально близкие к пушкинскому тексту.⁴

¹ Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900. С. 334.

² Казарин В. П. К истории написания Пушкиным стихотворения «Буря» // Крымские пенаты: Альманах литературных музеев Крыма. Симферополь, 1994. Вып. 1. С. 75–76.

³ См.: Строганов М. В. Стихотворение Пушкина «Буря»: Проблема комментария // Пушкин и его современники. СПб., 2002. Вып. 3 (42). С. 291–300.

⁴ «Я видел деву молодую: / Она, высоко на скале, / Под сосной древнею стояла, / Едва касаясь до земли; / И грудь под дымкой колыхалась, / И семи-

Намеченная Виноградовым идея литературного (и шире — культурного), а не конкретно-биографического генезиса «Бури» кажется продуктивной для выявления круга вероятных источников пушкинского стихотворения, которое, по всей видимости, представляет собой вариацию известного европейского топоса.

У его истоков стоит, может быть, самая известная (не считая Андромеды) «дева на скале» — древнегреческая поэтесса Сафо, которая, согласно преданию, бросилась с Левкадской скалы в море от несчастной любви к юноше Фаону. Этот трагический сюжет, еще со времен героиды Овидия занявший важнейшее место в легендарной биографии Сафо,⁵ неоднократно становился объектом описания в литературных произведениях и предметом изображения на живописных полотнах. Особенную популярность он снискал в позднеклассическую и романтическую эпоху, когда были созданы такие известные полотна, как «Сафо на Левкадской скале» П.-Н. Герена (начало XIX в., Эрмитаж) и «Сафо на Левкаде» Ж.-А. Гро (1801, Музей барона Жерара в Байо).

Ж.-А. Гро. «Сафо на Левкаде»
(1801, Музей барона Жерара
в Байо)

ствольная свирель / К устам рубиновым прильнула...» (Глинка Ф. Н. *Опыты аллегорий или иносказательных описаний в стихах и прозе*. СПб., 1826. С. 121); «Раз я видел ее, высоко от земли, на самом острие скалы <...> в белой одежде, под голубым покрывалом, она стояла в живописной неподвижности, как гений, изваянный рукою великого художника, как легкое видение, внушающее сладкие, приветливые ощущения. Но она любит скитаться и под воем осенних бурь и всматриваться в страшные картины неба, на котором тучи гроздятся, как густые ополчения сражающихся человек» (Глинка Ф. Н. *Две сестры, или Которой отдать преимущество?* // *Северные цветы на 1828 год*. СПб., 1827. Отдел «Проза». С. 157–158). См.: Виноградов В. В. *Стиль Пушкина*. М., 1941. С. 58–59.

⁵ См.: Мазур Н. Н. «Возможна ли женщине мертвой хвала...»: О стихотворении Баратынского «Всегда и в пурпуре и в злате...» // *Пермяковский сборник*. М., 2010. Ч. 2. С. 279.

Последняя картина в связи со стихотворением Пушкина представляет особый интерес. Гро изобразил Сафо в роковой момент, когда она, в длинной белой одежде, развеваемой ветром, стоит на краю скалистого мыса, готовая броситься в бушующее море; темные нависшие тучи и мрачные скалы оттеняют белое, освещенное луной покрывало и подчеркивают драматизм изображенной сцены.

Ср. описание полотна Гро, впервые выставленного в Парижском салоне 1801 г. и сразу признанного достижением художника: «...elle précipita dans la mer, du haut du promontoire de Leucade, dans l'Arcarnanie. L'auteur a choisi ce dernier moment; la scène est de nuit et au clair de lune; mais le ton verdâtre et peu naturel des lumières et des reflets, fait beaucoup de tort à ce tableau où l'on trouve, sous d'autres rapports, l'empreinte d'un vrai talent. L'attitude de Sapho est plein d'expression, les parties supérieures sont dessinées avec infiniment de grace et de finesse».⁶

Нельзя исключить, что воспроизводившаяся на гравюрах и литографиях картина Гро⁷ могла быть известна Пушкину и послужила одним из иконографических подтекстов для его «девы на скале». Однако, учитывая устойчивость живописной традиции, говорить о конкретном источнике вряд ли возможно.⁸

---

⁶ Examen des ouvrages modernes de peinture, sculpture, architecture et gravure, exposés au Salon du Musée, le 15 fructidor an 9. Paris, 1801. P. 55. № 164; перевод: «...она бросилась в море с вершины Левкадской скалы в Аркарнании. Автор избрал это последнее мгновение; на полотне — ночь и сияние луны, но зеленоватый и неестественный тон в передаче света и отсветов много вредит картине, которая во всем прочем носит печать истинного таланта. Поза Сафо чрезвычайно выразительна, верхние части полотна прорисованы с исключительной красотой и изяществом».

⁷ См., например: Annales du Musée et de l'école moderne des beaux-arts. Recueil de Gravures au trait, d'après les principaux Ouvrages de Peinture, Sculpture ou Projets d'Architecture... Rédigé par C. P. Landon... Paris, 1802. Т. 3. P. 63, pl. 28. Уже после публикации стихотворения Пушкина (Московский вестник. 1827. Ч. 1, № 2. С. 91) гравюра с картины Гро была напечатана в «Московском телеграфе» (1830. Ч. 32, № 8, б. п.; гравер А. Флоров) с соответствующим «изъяснением картинки»: «Знаменитый Гро, один из современных нам французских живописцев, изобразил Сафо на Левкадском утесе: один шаг, одно мгновение, и — она в бездне! Перед нею необозримое море, и тихая луна отражается в спокойных морских волнах; вдали виден жертвенник, где догорает последний дар Сафо богам на земле; лира — одно, что не изменило ей в здешнем мире — крепко сжата руками несчастной... Мысль поэтическая дышит во всей картине, несмотря на простоту изображения...» (Там же. С. 515).

⁸ В 1800—1820-е гг. сюжет «Сафо на скале» вышел за пределы собственно мифологической живописи: иконография «лесбосской певицы» транспонировалась на «новых Саф», среди которых особое место занимала А.-Ж.-Л. де Сталь, часто изображавшаяся «в виде Коринны, героини ее самого известного романа,

2. «ПРИЯТЕЛЯМ» («ВРАГИ МОИ, ПОКАМЕСТ Я НИ СЛОВА...»)

Острая пушкинская эпиграмма, посланная в письме к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. (см.: XIII, 95) и напечатанная им под заглавием «Журнальным приятелям» в 3-м номере «Московского телеграфа», послужила, как известно, поводом к оживленной полемике между «Благонамеренным» и журналом Н. А. Полевого, на стороне которого в ней принял участие Пушкин.⁹ Однако на вопрос о том, что побудило самого Пушкина выступить в печати с таким «когтистым» текстом и в кого именно он целил, до сих пор не было предложено убедительного ответа.

Высказывалось несколько гипотез об адресации эпиграммы. Б. В. Томашевский предполагал, что поводом к ее сочинению могло быть «недовольство Пушкина, причиненное какими-то поступками его друзей <...> возможно в связи с распространением какой-то клеветы, которую Пушкин приписывал <Ф. И.> Толстому».¹⁰ Печатная поправка Пушкина, касавшаяся заглавия, данного Вяземским («Журнальным приятелям» вместо просто «Приятелям»),¹¹ интерпретировалась Томашевским как указание на то, что Пушкин был сильно задет именно «приятельской» клеветой, а не журналь-

---

чья судьба, как и судьба ее создательницы, была созвучна с биографической легендой лесбосской певицы» (*Мазур Н. Н.* «Возможна ли женщине мертвой хвала...». С. 281). Так, на знаменитой картине Ф. Жерара «Коринна на Мизенском мысу» (1819) мадам де Сталь изображена сидящей на краю Мизенского мыса, на фоне Везувия, бурного моря и мрачного неба, что вполне соответствует пейзажу пушкинской «Бури». Ср. также описание импровизации Коринны на краю мыса: *Corinne, ou l'Italie / Par Mme de Staël Holstein.* 4-е éd., revue et corrigée. Paris, 1809. Т. 2. Р. 293–307.

⁹ Подробно о ходе полемики см.: *Проскурин О. А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 269–288.

¹⁰ *Пушкин А. С.* Соч. 2-е изд., испр. и доп. / Ред., биограф. очерк и примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1937. С. 916.

¹¹ Ср. объявление, появившееся в «Северной пчеле» (1825. № 52. 30 апр. С. 3): «А. С. Пушкин просил издателей “Северной Пчелы” известить публику, что стихи его сочинения, напечатанные в № 3 “Моск<овского> Телеграфа” на стр. 215, под заглавием: “К журнальным приятелям”, должно читать просто: “К приятелям”». Публикация заметки Пушкина в болгаринской газете задела издателя «Телеграфа» Н. А. Полевого, поместившего в прибавлении к очередному номеру своего журнала ответ Пушкину: «На замечание, что в названии эпиграммы, напечатанной в “Телеграфе”, прилагательное: *Журнальным* лишнее, объявляю, что это прибавлено не мною: *так было в списке, ко мне доставленном.* Изд<атель> “Моск<овского> Тел<еграфа>”» (Московский телеграф. 1825. Ч. 3. Прибавление к № 9. С. 153).

ными нападками.¹² В качестве косвенного подтверждения своей интерпретации исследователь приводил также написанные в начале 1825 г. XVIII–XIX строфы четвертой главы «Евгения Онегина» («Враги его, друзья его / (Что, может быть, одно и то же)» — VI, 352), обнаруживающие переключки с эпиграммой «Приятелям» и, очевидно, имеющие в виду клевету Толстого-Американца. Версия Томашевского была впоследствии поддержана и развита С. В. Березкиной,¹³ хотя в более ранней работе она высказывала предположение об ином адресате пушкинского текста (см. ниже).

Гипотезу Томашевского попыталась оспорить Т. Г. Цявловская, полагавшая, что «Приятелям» — это политическая эпиграмма, имевшая в виду Александра I и его «приспешников», в том числе А. Н. Голицына, намек на отставку которого исследовательница увидела в черновых строках «Один из вас убрался на покой».¹⁴ В качестве аргументов Цявловская приводила вероятные политические обертоны именованного «приятель» («...приятелем <...> Пушкин назвал Александра I в письме к Рылеву <...> употребление слова “приятель”, “друг” в значении “политический враг” применялось не одним Пушкиным»¹⁵), а также датировку, которую она — лишь на основании цвета чернил в белом автографе в тетради ПД 835 — отнесла к сентябрю 1824 г.,¹⁶ что представляется сомнительным. Не менее спорна и связь эпиграммы с отставкой Голицына, на что указала С. В. Березкина,¹⁷ которой принадлежит новая гипотеза об адресации текста, направленного, по ее мнению, против М. Ф. Орлова и его кишиневского окружения.¹⁸

Основание своей гипотезе исследовательница увидела в «арзамасском» контексте письма Пушкина к Вяземскому от 25 января 1825 г., где Пушкин именуется «арзамасцем» («Так Арзамасец говорит ныне о деде Шишкове» — XIII, 136), а свою эпиграмму называет «стишками» в духе «Василья Львовича». Это определило направление поисков адресата эпиграммы в кругу «Общества безвестных людей». Арзамасцем, с которым Пушкин общался после

¹² См.: *Пушкин А. С.* Стихотворения / Подгот. текста и примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1955. Т. 3. С. 803 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹³ См.: *Березкина С. В.* Почему Федора Толстого прозвали «Американцем»? // *Русская литература.* 2001. № 3. С. 92–95.

¹⁴ *Цявловская Т. Г.* «Муза пламенной сатиры» // *Пушкин на юге.* Кишинев, 1961. Т. 2. С. 180–184.

¹⁵ Там же. С. 182.

¹⁶ Там же. С. 181.

¹⁷ *Березкина С. В.* «...И сторожит Индеек и Гусей»: (Об адресате эпиграммы Пушкина «Приятелям») // *Русская литература.* 1996. № 3. С. 236–237.

¹⁸ Там же. С. 242–249.

отъезда из Петербурга и с которым у него не сложились отношения, был, по мнению Березкиной, М. Ф. Орлов, а свидетельством о давнем конфликте исследовательница сочла позднейшие слова Пушкина в письме к жене: «Орлов умный человек <...> но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям» (XVI, 114). Согласно гипотезе Березкиной, Пушкина должно было задевать «насмешливо-ироническое отношение» со стороны Орлова и офицеров 2-й армии: с этим околodeкабристским кругом Пушкин мог связывать возникновение неблагоприятной для себя репутации «ненадежного», «несерьезного» человека, не достойного войти в тайное общество, — репутации, «которую сам поэт расценивал как клеветническую».¹⁹ Указание Березкиной на значимость «арзамасских» ассоциаций представляется существенным, однако предложенная адресная гипотеза («“гуси” в эпиграмме Пушкина адресовались лишь одному “благородному арзамасскому гусю” — Орлову»²⁰) неубедительна: никаких прямых свидетельств о том, что Пушкин считал Орлова причастным к распространению каких-либо клеветнических слухов о себе, у нас нет, маловероятным представляется и решение Пушкина непременно напечатать эпиграмму (в особенности через посредство Вяземского, связанного с Орловым давней дружбой), если бы в ней речь шла о столь близком адресате.

Ключ к ее прочтению может, как кажется, дать не биографический, а литературный контекст. Нельзя не отметить явную связь эпиграммы со стихотворением «О муза пламенной сатиры!..», которое, подобно «Приятелям», строится как обещание в скором будущем «мучить казнию стыда» врагов-«подлецов»: «Всю вашу сволочь буду / Я мучить казнию стыда! / Но если же кого забуду, / Прошу напомнить, господя!» (II, 458). Ср.: «Но из виду не выпускаю вас / И выберу когда-нибудь любого: / Не избежит пронзительных когтей».²¹

Вероятно, презрительное именование «ребята подлецы» в «О муза пламенной сатиры!..» имело вполне конкретное «применение»: «подлецами» поэты пушкинского круга в ряде непечатных сатирических текстов начала 1820-х гг. устойчиво именовали цензоров:

Кой-что я Русского Парнасса,
Я не прозаик, не певец,

¹⁹ Там же. С. 242–246.

²⁰ Там же. С. 246.

²¹ См. комментарий Т. А. Китаниной к стихотворению «О муза пламенной сатиры...» (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 3, кн. 1 (в печати)).

Я не 15 класса —
Я цензор — сиречь — я подлец.

(«Певцы 15 класса» Баратынского,
Дельвига и др.,²² 1822)

Член тюремный и Библейский,
Цензор, мистик и срамец
<...>
Славься, славься, дух лакейский,
Славься, доблестный подлец!

(«Петербургским цензором»
А. А. Дельвига,²³ 1823—1824)

Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил.

(«Элегия на смерть Анны Львовны»
Пушкина и Дельвига, апрель 1825;
II, 482).

Поддерживает такую интерпретацию и последовательная градация, исключаяющая из числа адресатов «пламенной сатиры» «несчастливых поэтов», «переводчиков голодных» и «журнальных клеветов» («Мир вам, журнальные клеветы...»)²⁴

Сходство названных эпиграмматических текстов позволяет распространить адресацию цензором и на стихотворение «Друзьям». Косвенным свидетельством в пользу такого прочтения может служить черновой вариант: «Враги мои! довольны ли вы мной / Один из вас убрался на покой», обнаруживающий фразеологическую близость к эпиграмме «Тимковский царствовал — и все твердили вслух...» (II, 370), где ушедший с должности цензора Тимковский также назван «покойным» («Ну право, их умней покойный был Тимковский!»).

²² Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3, ч. 1. С. 161.

²³ Дельвиг А. А. Соч. / Сост., вступ. ст., коммент. В. Э. Вацууро. М., 1986. С. 164.

²⁴ Отметим, впрочем, что строка о «журнальных клеветках» известна по единственному и не вполне авторитетному списку Теймураза Багратиони, источник которого неизвестен, а в тексте содержится немало неточностей и опусок (см.: Дондуа К. Пушкин в грузинской литературе // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 203—204; ср.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 3, кн. 1; примеч. Т. А. Китаниной (в печати)).

Адресация цензорам позволяет также объяснить и множественность «врагов», и отсутствие личной направленности: «выберу когда-нибудь любого». А такая прямо выраженная угроза грядущих эпиграмматических нападков (как и в стихотворении «О муза пламенной сатиры!...») роднит стихотворение Пушкина с сатирическим посланием Дельвига «Петербургским цензорам», завершающимся сходным обещанием: «Славьтесь цензорской указкой! / Таски вам не миновать!»²⁵

3. «[СЛОВЕСНОСТЬ РУССКАЯ БОЛЬНА...]»

Непечатно-неблагопристойный выпад в адрес издателя «Вестника Европы» — один из целой серии пушкинских сатирических текстов весны 1825 г., вызванных запоздалыми нападками на «Кавказского пленника» и «Черную шаль» в журнале М. Т. Каченовского. Об этом критическом демарше «Вестника Европы» Пушкину сообщил П. А. Плетнев в письме от 3 марта 1825 г.: «Не знаю, отчего журналисты тебе не присылают своих непотребностей. Верно ждут от тебя послания. Каченовский все хлопочет о “Кавказск<ом> Пл<еннике>”, а его, бедного, уж нет и в лавках» (XIII, 148). Плетнев имел в виду фрагмент из «Мыслей и замечаний»,²⁶ которые были напечатаны под псевдонимом Юст Веридиков и написаны М. А. Дмитриевым, чье авторство, однако, оставалось неизвестным ни Плетневу (как следует из его письма), ни, очевидно, Пушкину.²⁷ Сам поэт до первой половины марта не имел возможности ознакомиться с выпадами «Вестника Европы», о чем говорит письмо Пушкина брату Льву от 14 марта 1825 г.: «Каченовский восстал на меня. Напиши, благопристойен ли тон его критик — если нет — пришлю эпиграмму» (XIII, 152).²⁸ Эпиграмму для публикации — «Жив, жив Курилка!» — Пушкин прислал в письме брату почти два месяца спустя — в первой половине мая (XIII, 174), вероятно, уже после личного знакомства с критическими суждениями

²⁵ Дельвиг А. А. Соч. С. 165.

²⁶ Вестник Европы. 1825. Ч. 139, № 3 (ценз. билет 19 февраля — Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 2. С. 23). С. 225–228.

²⁷ См.: Билинкис О. Об эпиграмме Пушкина «Жив, жив Курилка!» // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 338–339.

²⁸ Эти слова Пушкина можно интерпретировать как указание на то, что какая-то эпиграмма на Каченовского к этому моменту уже была у него в запасе (может быть, «Литературное известие»), однако очень маловероятно, чтобы речь могла идти о тексте «Словесность русская больна...», работа над которым, судя по имеющимся данным, не двинулась дальше черного наброска и который в любом случае не мог предназначаться для печати.

«Вестника Европы»: вполне возможно, что после 14 марта Пушкин так или иначе получил какие-то его номера.

Можно предполагать, что внимательное знакомство с литературно-критической продукцией журнала Каченовского обусловило, в частности, выбор образного ряда для эпиграмматического описания текущего состояния русской словесности.²⁹

Так, в мартовском номере «Вестника Европы» был напечатан сатирический диалог С. П. Шевырева «Водевиль и Элегия»,³⁰ метивший, кроме прочего, в представителей элегической школы. Элегия уподоблялась здесь женщине, подверженной головной боли и другим «припадкам болезней женских». Ср.: «Я <элегия> правда иногда бледна, / <...> с умом я не дружна, / И болью головной бываю я больна...».³¹ Не исключено, что эти строки отозвались в начальных стихах пушкинского наброска («[Словесность русская больна,] / Лежит в истерике она / И бредит языком мечтаний» — II, 417), также отсылающих к актуальной для второй половины 1824—1825 гг. полемике о «мечтательной» «элегической школе», вызванной программной статьей В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие».³²

---

²⁹ Сатирическое сопоставление ежемесячного выхода журнала с месячными «припадками болезни женской» встречалось и во французской эпиграмматической традиции. Как указал А. А. Добрицын (см.: *Добрицын А. А. Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века.* М., 2008. С. 429—430), ориентиром для пушкинского выпада могла послужить анонимная французская эпиграмма (опубл. 1698; перепечатывалась в популярной антологии XVIII в. «Nouveau Recueil des Epigrammatistes François...»), направленная против журнала «Галантный Меркурий», издававшегося Ж. Донно де Визе (Donneau de Visé; 1638—1710) при участии (с 1681 г.) Тома Корнеля (Corneille; 1625—1709), брата знаменитого драматурга. Ср.: «Ce sot Livre qu'on voit dans les mains des Bourgeois / Règlement toutes les Lunes, / N'est-ce point un Egoût du Parnasse François? / Non, mais c'est qu'en suivant les loix / Au sexe féminin communes, / La Muse Française a ses Mois. / O Dieu! direz-vous, quelle ordure! / De Visé cependant en fait sa nourriture, / Et Corneille y trempe ses doigts» (Nouveau Recueil des Epigrammatistes François... Amsterdam, 1720. Т. 2. P. 98; «Эта глупая книга, которую видишь в руках буржуа / Регулярно, каждую луну, / Не отстойник ли это французского Парнаса? / Нет, но, следуя законам, / Общим для женского пола, / Французская Муза имеет месячные. / О Боже, — воскликнете вы, — какая гадость! / Де Визе, однако, этим питается, / И Корнель макает туда пальцы»; перевод А. А. Добрицына).

³⁰ Вестник Европы. 1825. Ч. 140, № 5 (выход в свет 21 марта — см.: Московские ведомости. 1825. № 22. 18 марта. С. 794). С. 3—14.

³¹ Там же. С. 6.

³² О полемике с Кюхельбекером см.: Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 95—121; Красноробородько Т. И., Хитрова Д. М. Пушкинский набросок возражения Кюхель-

В характеристиках Каченовского как «застудившего» литературу «хладного Зоила» («И хладный между тем Зоил / Ей Каченовский застудил / Теченье месячных изданий» — II, 417) можно увидеть пародийное противопоставление романтическим «горящимся писателям», которых порицал Юст Веридиков в очередной серии своих «Мыслей и замечаний»: «Гете сказал, что писатель должен соблюдать возможное хладнокровие, дабы действовать сильнее на воображение читателей. — Наши господа *стихо-* и *прозо-*творцы поступают напротив: они как можно более горячатся, чтобы произвести в читателях хладнокровие к своим писаниям».³³

Наконец, был у Пушкина и повод обвинить Каченовского в нарушении «течения месячных изданий»: вполне исправно (раз в две недели) выходивший журнал как раз в апреле 1825 г. задержался более чем на неделю: 4-й номер вышел 7 марта,³⁴ 5-й, как и полагалось, — 21-го марта,³⁵ а следующий, 6-й номер вышел в свет только 15 апреля.³⁶ Если Пушкин имел в виду именно это обстоятельство, комментируемая эпиграмма была написана не ранее второй половины апреля 1825 г.

А. С. Бодрова

бекеру // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea. Stanford, 2008. Part 1. P. 74–102; Мазур Н. Н. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: Полемиические функции // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5 (44). С. 164–182.

³³ Вестник Европы. 1825. Ч. 139. Февраль. № 4 (выход в свет 7 марта — см.: Московские ведомости. 1825. № 18. 4 марта. С. 629). С. 307.

³⁴ Московские ведомости. 1825. № 18. 4 марта. С. 629.

³⁵ Там же. № 22. 18 марта. С. 794.

³⁶ Там же. № 29. 11 апреля. С. 1023.

О ДАТИРОВКЕ «<ЗАПИСОК МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА>»

Вопрос о датировке «<Записок молодого человека>» решался по-разному. Первый их публикатор П. В. Анненков, руководствуясь, вероятно, датой, упомянутой в тексте («4 мая 1825 г. произведен я в офицеры...»), сообщил, что отрывок написан «в 1825 году, или вскоре после того».¹ П. А. Ефремов вынес эту датировку в за-

---

¹ Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 275.